

Лыцк, Баклужино, Суслов

Евгений Лукин
Там, за Ахероном

«Автор»

1995

Лукин Е. Ю.

Там, за Ахероном / Е. Ю. Лукин — «Автор», 1995 — (Лыцк, Баклужино, Суслов)

«Оставь надежду, всяк сюда входящий!» Эти вселяющие ужас слова на вратах Ада – первое, что суждено увидеть душам грешников на том свете. Потом суровый перевозчик Харон загонит души в ладьи и доставит на тот берег реки мертвых. Там, за Ахероном, вечный мрак, оттуда нет возврата... И тем не менее, герой новой повести Евгения Лукина ухитряется совершить побег из Ада и прожить еще одну короткую, полную опасностей жизнь.

© Лукин Е. Ю., 1995

© Автор, 1995

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	7
Глава 3.	9
Глава 4.	11
Глава 5.	14
Глава 6.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Евгений Лукин

Там, за Ахероном

И Я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители.

Лука, 16, 9.

Глава 1. На хозрасчете

Лепорелло

Да! Дон Гуана мудрено признать!

Таких, как он, такая бездна!

Дон Гуан

Шутишь?

Да кто ж меня узнает?

А. С. Пушкин, «Каменный гость»

Во втором круге было ветрено. Как всегда. Насыщенный угольной пылью ревущий воздух норовил повалить тяжелую тачку и, врываясь в многочисленные прорехи ватника, леденил душу.

Душа, она ведь тоже, как и тело, способна испытывать и боль, и холод. Разница лишь в одном: душа бессмертна.

Обглоданная ветром скала заслонила низкую сложенную из камня вышку, и дон Жуан остановился. Навстречу ему порожняком – в тряпье, в бушлатах – брела вереница погибших душ. Подперев свою тачку булыжником, дон Жуан отпустил рукоятки и, надвинув поплотнее рванный треух, стал поджидать Фрола.

Фрол Скобеев был, как всегда, не в духе.

– В горние выси мать! – злобно сказал он, тоже останавливаясь. – Сколько было баб у Владимира Святого? А? Семьсот! И все-таки он – Святой, а я – здесь! Эх, начальнички...

За четыреста лет дружбы с Фролом дон Жуан изучил русский язык в совершенстве. Но в этот раз Скобеев загнул нечто настолько сложное, что дон Жуан его просто не понял. Что-то связанное с Великим Постом и посохом патриарха Гермогена.

– За что страдаем, Ваня? – надрывно продолжал Фрол. – Ну сам скажи: много сюда нашего брата пригнали в последнее время? Да вообще никого! Плюют теперь на это дело, Ваня! За грех не считают! Так за что же я почти пятерик отмотал?!

Над обглоданной ветром скалой появилось ехидное шерстистое рыло охранника. Правое ухо – надорвано, рог – отшиблен.

– Эй! Развратнички! – позвал он. – Притомились, тудыть вашу? Перекур устроили?

– Обижаешь, начальник, – хрипло отозвался дон Жуан. – Портянку перемотать остановился...

Свою легендарную гордость он утратил четыреста лет назад.

– Сбегу я, Ваня, – сказал сквозь зубы Фрол, снова берясь за рукоятки своей тачки. – Ей-черт, сбегу!

Размышляя над этими несуразными словами, дон Жуан довез тачку до третьего круга. Холодный, рвущий душу ветер остался позади. Его сменил тяжелый дождь с градом. Крупная ледяная дробь разлеталась под ногами. Тачку занесло. Грешники третьего круга перегрузили

уголь на салазки и покатали под уклон – в глубь жерла. Там, в четвертом круге, грузный мокрый уголь свалят на корявые плоты – и вплавь по мутному и тепловатому уже мелководью Стикса, – на тот берег, туда, где над чугунными мечетями города Дит встает мартеновское зарево нижнего Ада.

– Запомни пригорочек, Ваня, – со странным блеском в глазах зашептал Фрол, когда их тачки снова встретились. – Пригорочек, а? За которым мы в прошлый раз остановились! За ним ведь низинка, Ваня! И с вышки она не просматривается...

– Да ты повредился! – перебил его дон Жуан. – Бежать? Куда? В Лимб? В первый круг? Заложат, Фрол! В Лимбе – да чтоб не заложили!..

– Зачем же в Лимб? – И шалая, опасная улыбка осветила внезапно лицо Фрола. – Можно и дальше...

– Дальше – Ахерон, – холодно напомнил дон Жуан – и вдруг понял: – Ты что затеял, Фрол? Там, за Ахероном, – жизнь! А мы с тобой тени, кореш! Тени!

– Я все продумал, Ваня, – сказал Фрол. – Тебе одному говорю: у них в первом круге есть каптерка. Сам слышал – начальник охраны и этот, с обломанным рогом, беседовали... Они же, когда на дело идут, в «гражданку» переодеваются, Ваня! И у них там есть каптерка! Тела, понимаешь? Новенькие! На выбор!

– Но ведь она же, наверное, охраняется! – ошеломленно сказал дон Жуан. – И там же еще Харон!..

– ЗАКОНЧИТЬ РАБОТУ! – оглушительно произнес кто-то в черном клубящемся небе. – У КОГО В ТАЧКАХ УГОЛЬ – ДОСТАВИТЬ ДО МЕСТА И ПОРОЖНЯКОМ ВОЗВРАЩАТЬСЯ В КАРЬЕР. ОБЩЕЕ ПОСТРОЕНИЕ.

– Что-то новенькое... – пробормотал дон Жуан.

* * *

Их выстроили буквой П, и в квадратную пустоту центра шагнул начальник охраны с каким-то пергаментом в когтях.

– В связи с приближающимся тысячелетием крещения Руси Владимиром... – начал он.

– Амнистия! – ахнули в строю.

Дон Жуан слушал равнодушно. Ему амнистия не светила ни в каком случае. Как и все прочие во втором круге, он проходил по седьмому смертному греху, только вот пункт у него был довольно редкий. Разврат, отягощенный сознательным потрясением основ. Кроме того, выкликаемые перед строем фамилии были все без исключения славянские.

– Скобеев Фрол!..

Дон Жуан не сразу понял, что произошло.

– Ваня... – растерянно произнес Фрол, но его уже извлекли из общей массы. Он робко подался обратно, но был удержан.

– Ваня... – повторил он – и вдруг заплакал.

Дон Жуан стоял неподвижно.

Колонна амнистированных по команде повернулась нале-во и двинулась в направлении третьего круга. Через Стигийские топи, через город Дит, через Каину, через Джудекку – к Чистилищу.

В последний раз мелькнуло бледное большеглазое лицо Фрола.

– ПРИСТУПИТЬ К РАБОТЕ! – громыхнуло над головами.

– Сучий потрох! – отчаянно выкрикнул дон Жуан в бешено клубящийся зенит. Очередной шквал подхватил его крик, смял, лишил смысла и, смешав с угольной пылью, унес во тьму.

Глава 2. В «гражданке»

*Монах
Мы красотою женской,
Отшельники, прельщаться не должны,
Но лгать грешно: не может и угодник
В ее красе чудесной не признаться.*
А. С. Пушкин, «Каменный гость»

Сверзившись в низину вместе с тачкой, дон Жуан припал к земле и замер. Если расчет Фрола верен, то его падения никто не заметит. А заметят? Ну, виноват, начальник, оступился, слетел с тачкой в овражек...

Вроде обошлось.

Дон Жуан стянул с головы треух и вытер лоб. Жест совершенно бессмысленный – души не потеют.

Тачку он решил бросить, не маскируя. Угольная пыль проела древесину почти насквозь: что земля, что тачка – цвет один.

Пригибаясь, дон Жуан добрался до конца Фроловой низинки и, дождавшись, когда охранник на вышке отвернется, вскочил и побежал. Ветер здесь был сильнее, чем в рабочей зоне. Сразу же за бугром сбило с ног, и пришлось продолжить путь ползком...

Обрыв, по которому беглецу предстояло вскарабкаться в Лимб, был адски крут. Правда, на противоположной стороне круга есть удобный пологий спуск, но лучше держаться от него подальше. Дон Жуан имел уже один раз дело с Миносом, и этого раза ему вполне хватило.

Первая попытка была неудачна. Ватник и стеганные штаны сыграли роль паруса, и дона Жуана просто сдуло с кручи. Он сорвал с себя тряпье и, полез снова – нагая душа меж камнем и грубым, как камень, ветром.

В конце концов он выполз на край обрыва и некоторое время лежал, боясь пошевелиться, оглушенный внезапной тишиной. В это не верилось, и все же он достиг Лимба.

Странные души населяли первый круг Ада. Мучить их было не за что, а в Рай тоже не отправишь, ибо жили они до Рождества Христова и об истинной вере понятия не имели. Так и слонялись, оглашая сумрак жалобами и вздохами.

Сквасить печальную рожу, став неотличимым от них, и, стая, выйти к Ахерону – труда не составит. Вопрос – что делать дальше? Каптерка наверняка охраняется. Если она вообще существует... Эх, Фрола бы сюда!

Дон Жуан поднялся и, стая, побрел сквозь неподвижные сумерки круга скорби.

К Ахерону он вышел неподалеку от переправы. Над рекою мертвых стоял туман – слепой, как бельмы. В страшной высоте из него проступали огромные знаки сумрачного цвета:

!ЙИЩЯДОХВ АДЮС КЯСВ ,УДЖЕДАН ЬВАТСО

Чуть левее переправы располагалось неприметное приземистое здание из дикого камня. Каптерка?

Подобравшись к зияющему проему входа, дон Жуан осторожно заглянул внутрь. На каменном полу грудой лежали пыльные тела. В глубине помещения белела какая-то массивная фигура. Присмотревшись, дон Жуан с содроганием узнал в ней статую командора, в которой его приходили брать.

Одноглазый каптенармус сидел сгорбясь у подслеповатого слюдяного окошка и со свирепой сосредоточенностью крутил, ломал и вывертывал невиданный доном Жуаном предмет, представляющий из себя яркий мозаичный кубик небольшого размера.

Тут на берегу грянули крики, и дон Жуан отпрянул от проема. Каптенармус досадливо качнул рогами, но головы не поднял.

Дело было вот в чем: Харон только что перевез на эту сторону очередную партию теней. Нагие души, стуча зубами и прикрываясь с непривычки, выбрались из ладьи. Все, кроме одной. Она забилась на корму, истошно крича, что это ошибка, что анонимки написаны не ее рукой, что простым сличением почерков... Скверно выругавшись, Харон огрел душу веслом – и, выскочив на берег, душа, вереща, припустилась вдоль Ахерона – в туман.

– Куда? – взревел Харон и, подъяв весло, кинулся вдогонку.

Вот он – шанс!

Не теряя ни секунды, дон Жуан натянул первое попавшееся тело и вылетел из каптерки. Сердце, запущенное с ходу на полные обороты, прыгало и давало перебои. Протаранив толпу брызнувших врассыпную теней, он уперся в тяжелый нос ладьи и оттолкнулся ногами от берега. У него еще хватило сил перевалиться через борт, после чего сознание покинуло дона Жуана.

Покачиваясь, ладья выплыла на середину Ахерона и растворилась в блеклом тумане. Там ее подхватило течение и, развернув, увлекло в одну из не упомянутых Данте и тем не менее многочисленных протоков.

* * *

Разговор, вырвавший дона Жуана из забытья, велся на родном языке Фрола Скобеева. Говорили об обнаженных женщинах.

Он открыл глаза и тут же зажмурил их – после четырехсот лет мрака солнце показалось ему особенно ярким. Шумела вода. Он лежал на палубе, и над ним склонялись загорелые лица людей. Над бортом покачивалась на шлюп-балке ладья Харона.

– Как вы себя чувствуете? – Судя по всему, к нему обращался капитан корабля.

– Спасибо... Хорошо... – услышал дон Жуан свой слабый голос. Услышал – и ужаснулся. Понимая уже, что случилось непоправимое, он рывком поднял край простыни, которой был прикрыт, и легкая ткань выскользнула из его внезапно ослабевших пальцев.

Там, в каптерке, он впопыхах напятил женское тело! Молодое. Красивое. И все-таки женское.

– Кто вы такая? Как вас зовут?

Но дон Жуан уже взял себя в руки.

– Жанна, – глухо сказал он. – Жанна... – и чуть было не добавил «Тенорь».

– Гермоген, – выговорил он наконец, вспомнив наиболее заковыристое ругательство Фрола. – Жанна Гермоген.

Глава 3. По этапу

*Дон Гуан
Ах, наконец
Достигли мы...*
А. С. Пушкин, «Каменный гость»

В восьмом круге амнистированных построили под обрывом и после поверки передали новому конвоиру – черному крылатому бесу по кличке Тормошило, созданию мрачному и настроенному откровенно садистски.

– Кто отстанет или с ноги собьется, – сразу же предупредил он, – буду кунать на пятом мосту! Шагом... арш!

Колонна голых чумазых душ двинулась вдоль скальной стены. Бушлатики на амнистированных сгорели еще на марше через город Дит, где из каменных гробниц с воем рвалось прозрачное высокотемпературное пламя.

Мрачный Тормошило подождал, когда колонна пройдет мимо полностью, затем с треском развернул нетопыри крылья и, перехватив поудобнее черный от смолы багор, прятнул ввысь.

Фрол Скобеев шел, не сбиваясь с ноги, правильно держа дистанцию и все более утверждаясь в мысли, что второй круг, в котором он отмотал без малого пятерик, – далеко не самое жуткое место в преисподней. А навстречу этапу уже лезли из мрака глыбастые чугунные скалы Злых Щелей.

Додумались начальнички: православных – в Чистилище! Что хотят – то творят...

– Эх, Ваня... – тихонько вздохнул Фрол.

– Разговорчики! – немедленно проскрежетало над головой, и шорох перепончатых крыльев унесся к хвосту колонны.

* * *

Вскоре они достигли обещанного пятого моста. Внизу побулькивала черно-зеркальная смола, из которой то здесь то там всплывал взяточник и тут же опрометью уходил на дно, страшась угодить под багор какого-нибудь беса-загребалы. Тянуло жаром.

– Стой! – взвизгнуло сверху. Колонна стала.

– Ты что же, нарочно надо мной издеваешься? – истерически вопил Тормошило. – Ты уже который раз споткнулся, гад?

Затрещали крылья, мелькнул острый крюк багра, и сосед Фрола, подхваченный под плечо, взмыл из строя. Трепеща перепонками, Тормошило завис над черно-зеркальной гладью и дважды макнул провинившегося в смолу.

– В строй!

Черная, как негр, душа, подвывая от боли, вскарабкалась на мост и заняла свое место.

– Продолжать движение! – с ненавистью скомандовал Тормошило и спланировал на основание одной из опор, где, свесив копыта, сидел еще один бес-загребала по кличке Собачий Зуд.

– Зря ты... – равнодушно заметил он опустившемуся рядом Тормошиле. – Амнистированных все-таки в смолу кунать не положено. Смотри, нагорит...

– С ними иначе нельзя, – отвечал ему нервный Тормошило. – Им поблажку дай – роги отвернут в два счета... А что, Хвостач здесь?

– В город полетел, – отозвался Собачий Зуд, притапливая багром высунувшуюся из смолы грешную голову. – Насчет дегтя...

Тормошило насупился.

– Скурвился Хвостач, – мрачно сообщил он. – Как тогда начальником поставили – так и скурвился...

Собачий Зуд притопил еще одного грешника и с любопытством поглядел на товарища.

– А что у вас с ним вышло-то?

– Да не с ним! – с досадой сказал Тормошило. – Третьего дня дежурю в реанимации... Ну из-за этого... Да ты его знаешь! Там взятки одних... Все никак помереть не может!

– Ну-ну!

– Ну вот, стою, жду, багорик наготове... И вдруг – фпр! – влетают...

– Кто?

– Да эти... пернатые... с Чистилища! Один зеленый, с первого уступа, а второй, не знаю, с седьмого, что ли?.. Блестящий такой, надраенный... О, говорят, а ты что тут делаешь? – Как что, говорю, грешника жду. – Ты что, говорят, угорел? Грешника от праведника отличить не можешь? – Это где вам тут праведник, спрашиваю, это он, что ли, праведник? Вы на душу его посмотрите: копоты клок – и то чище!.. А они, представляешь, в рыло мне смеются: ладно, говорят, отмоем... А? Ничего себе?

– Д-да... – Собачий Зуд покрутил головой.

– Ну я разозлился, врезал одному багром промеж крыл... Короче, я – на них телегу, а они – на меня...

Собачий Зуд слушал, сочувственно причмокивая и не замечая даже, что во вверенном ему квадрате из смолы торчат уже голов десять с приоткрытыми от любопытства ртами.

– Ну а душа-то кому пошла?

– Да никому пока... – расстроено отозвался Тормошило. – Опять откачали... Может, ему мученик какой родственником приходится, откуда я знаю!.. Нет, но ты понял, что творят? Начальнички...

– А Хвостач, значит, связываться не захотел?

Тормошило открыл было рот, но тут сверху послышался треск крыльев и звонкий поцелуй пары копыт о каменное покрытие моста. Головы грешников мгновенно спрятались в смолу.

– О! – Скривившись, Тормошило кивнул рогом. – Легко на помине. Сейчас начнет орать, почему колонна без присмотра...

Над гранитной кромкой показалось ликующее рыло Хвостача.

– Эй, загребалы! – позвал он. – Посмеяться хотите?

– Ну? – осторожно молвил Собачий Зуд.

– У Харона ладью угнали! – распялив в восторге клыкастую пасть, сообщил Хвостач. – Ох и начнется сейчас!.. – Ударил крыльями и понесся ласточкой к следующей опоре.

Загребалы ошарашенно переглянулись. Первым опомнился Собачий Зуд.

– Бардак... – безнадежно изронил он и притопил со вздохом очередного не в меру любопытного взяточника.

Глава 4.

Командированные

Лепорелло

Проклятое житье. Да долго ль будет

Мне с ним возиться? Право, сил уж нет.

А. С. Пушкин, «Каменный гость»

Грязный отвратительный буксир, впряженный в допотопную ржавую баржу, стоя, можно сказать, на месте, с тупым упорством рыл зеленоватую волжскую воду. Злобился и ворчал бурун. На баке над распростертым телом товарища стояли и беседовали два матроса. Один – коренастый, насупленный, весь поросший густым проволочным волосом. Другой – румяный красавец с придурковатым, навсегда ослабившимся лицом.

– Ишь! – злобно цедил коренастый, с завистью глядя на привольно раскинувшееся тело. – Залил zenки с утра – и хоть бы хны ему!

– Да тебе-то что?

– Мне – ничего. А тому, кто на его место придет, думаешь, сладко будет с циррозом печени? Надо ж немного и о других думать!

– Мнится: ангельские речи слышу, – глумливо заметил румяный. – А сам-то что ж ревизоршу багром закогтил? Всех ведь, считай, подставил!

Коренастый насупился, закричал.

– Не устоял, – сокрушенно, со вздохом признался он. – Да и домой что-то потянуло...

Капитан (громила с длинным равнодушным лицом), возложив татуированную длань на штурвал, нехотя доцеживал сигарету. Гладкие волны, как в обмороке, отваливались от мерзкого судна.

Ничто, казалось, не предвещало грозы, когда из безоблачного неба пала с шелестом разящая черная молния. Ударом ветра развернуло линялый флаг и сохнувшее на снастях белье. Матросы остолбенели. На палубе, распылив кожистые крылья и злорадно скаля клыки, стояло адское создание с шерстистым уродливым ликом.

– Отцепляй, в превыспреннюю, баржу! – гаркнуло оно капитану, ударив в настил черным от смолы багром.

Спящий на баке матрос приподнял всклокоченную голову, поглядел заплывшим глазом – и снова заснул. То ли крылатый бес был ему уже знаком по белой горячке, то ли матросик принял его спросонья за кого-нибудь из команды.

На обветренных скулах капитана обозначились желваки. Двумя пальцами он изъял изо рта окурочку и, выщелкнув его за борт, процедил:

– Борода, штурвал прими...

И, не сводя с адского творения неприязненных глаз, спустился по железной лесенке на палубу. Безбоязненно приблизился почти вплотную.

– Что за дела, Хвостач? – угрожающе выговорил он, подавая звук несколько в нос. – Там ты меня доставал, здесь достаешь... Что за дела?

– Баржу отцепляй, – ласково повторил гость из бездны.

Сняв с красного щита по противопожарной принадлежности, подошли оба матроса. Борода (кстати, не то чтобы гладко выбритый, но уж во всяком случае не бородатый) с нездоровым любопытством следил за ними из-за штурвала.

– А ты мне здесь кто? Начальник? – не менее ласково осведомился капитан. – Баржу ему отцепляй! Да в этой барже одних бушлатов на весь второй круг! Сдам только Харону и каптенармусу. Под расписку.

– Да не отсвечивай ты, Хвостач! – хмурясь, проворчал коренастый. – Вон с берега уже плятятся! За рубку зайди.

Вчетвером они отошли за рубку.

– Ну в чем дело?

– Побег, – сказал Хвостач. – У Харона кто-то ладью угнал. В общем так: руби концы – и полным ходом на Баклужино. Может, он еще из протоки не выплыл...

– Так кто бежал-то?

– А я знаю! Если бы Харон сразу спохватился! А то гонял два дня веслом какую-то душу по берегу – делать ему больше нечего!..

Кто-то присвистнул.

– Два дня? Так это ладью уже наверняка в Волгу вынесло...

– Значит, всю Волгу обшарь, но найди!

– А сам-то чего ж? – ослабившись сильнее обычного, осведомился румяный. – На крыльях-то чать сподручней...

– Посоветуй мне, посоветуй! – огрызнулся Хвостач. – Придумал: на крыльях! Срежь бела дня!

– А что ж на палубе стоял, светился, раз такой осторожный?

– Ну хватит! Поговорили! Отцепляйте баржу!

– Да пошел ты!.. – лениво сказал капитан. – Вот вернемся в Злые Щели – там и покомандуешь.

– А что ж ты думаешь? – злобно сказал Хвостач, прожигая его взглядом. – И покомандую. Попомни, Забияка: ты у меня в Злых Щелях из обходов вылезать не будешь!

Прянул в воздух и стремительным шуршащим зигзагом ушел в зенит. Черной молнии подобный. Плеснуло сохнувшее на снастях белье.

– Настучит... – со вздохом обронил Борода.

Запрокинув равнодушное лицо, капитан смотрел в небо. Смотрел, не шурясь. Зрачки – с игольное острие.

– Начальнички, – проворчал он наконец и, сплюнув за борт, снова полез в рубку. – Один одно командует, другой – другое... Не знаешь уже, кого слушать.

– Это точно, – отозвался румяный матрос, вешая топорик на пожарный щит.

Борода, уступивший штурвал капитану, заржал.

– Сижу это я раз в одном бесноватом, – начал он, спускаясь по лесенке на палубу, – и приходят эти... заклинатели. Штук семь. «Именем, – говорят, – того Иисуса, Которого Павел проповедует, приказываем тебе выйти из этого человека». А я им и говорю: «Иисуса знаю, Павла знаю, а вы кто такие?» Как дал им, как дал! Они от меня два квартала нагишом драли!

– И что тебе потом было?

– А ничего не было. Похвалили даже. – Борода ощерился и махнул рукой. – Так что, может, и сейчас прокатит...

Не прокатило.

* * *

И получаса не прошло, как с ясного неба на палубу метнулись, шурша, уже две молнии – одна черная, другая – ослепительно зеленая.

Ангел в изумрудных одеждах с ужасным от гнева лицом шагнул к попятившимся матросам. Огненный меч в его деснице сиял, как язык ацетиленовой горелки.

– Пр-роклый род! – возгласил он громоподобно. – Во что еще бить вас за гордыню вашу? Уже и грешники бегут из преисподней! Уже и собственным начальникам отказываетесь

повиноваться!.. – Он передохнул и приказал сухо и коротко: – Баржу отцепить. Полным ходом в протоку.

– Я им говорю, мол, так и так, побег, мол... – робким баском объяснял из-за крыла Хвостач.

– Так бушлаты же... – начал было оправдываться капитан. – Люди свечки ставили, панихиды заказывали...

– Бушлаты?! – С пылающим от гнева лицом ангел в зеленых одеждах стремительно прошествовал на корму и одним ударом огненного меча перерубил трос.

Глава 5. На приеме

*Лепорелло
Ого! Вот как! Молва о Дон Гуане
И в мирный монастырь проникла даже,
Отшельники хвалы ему поют.*
А. С. Пушкин, «Каменный гость»

– Прошу вас, владыко, садитесь...

Архиерей сел. С торжественностью несколько неуместной (дело происходило в кабинете начальника милиции) он воздел пухлые руки и, сняв клобук, бережно поместил его на край стола. Остался в черной шапочке.

Генерал хмурился и в глаза не глядел. В негустую и рыжеватую его шевелюру с флангов врубались две глубокие залысины, норовя повторить знаменитый маневр Ганнибала.

– Про баржу слышали? – отрывисто спросил он наконец.

С несчастным видом владыка развел мягкие ладони.

– Обрубили трос, – сдавленно сообщил генерал. – Баржу снесло на косу. А местные жители, не будь дураки, вскрыли пломбы и принялись расхищать бушлаты. Если прокуратура (а она уже занимается этим делом) копнет достаточно глубоко, то с полковником Непалимым придется расстаться... Как прикажете дальше работать, владыко? С кем работать прикажете?

– Сказано: еще и страждете правды ради... – начал было архиерей.

– Правды ради? – Генерал желчно усмехнулся. – Утром Склизский прибежал – каяться. Бушлаты-то отгружал именно он... И если бы только правды ради!

Архиерей ошеломленно схватился за наперсный крест.

– Вы хотите сказать?..

– Вот именно. – Голос генерала был исполнен горечи. – Под прикрытием богоугодного дела гнал ценности на ту сторону. Вместе с бушлатами. Отсылал на хранение каптенармусу, с которым, как сам признался, связан уже давно...

– Господи помилуй! – В страхе архиерей осенил себя крестным знамением. – Вот уж воистину: яко несть праведен никтоже...

– Праведен! – сказал генерал. – Покажите мне одного праведника, который бы мог разом списать столько бушлатов! Вы же знаете, что в прокуратуре сплошь сидят наши с вами противники, и если всплывет хоть одна зашитая в бушлаты ценность, нам останется уповать лишь на вмешательство Петра Петровича. Склизский – ладно, а вот Непалимого жалко...

Генерал вздохнул.

– А на будущее, владыко... – сказал он, потирая левую залысину, – Простите великодушно, но что-то с вашими речниками надо делать. Так дальше нельзя. Взять хотя бы тот случай с ревизоршей... Уму непостижимо: багром! Женщину! Интеллигентную! Пожилую!.. А у нее, между прочим, национальность! Сначала демократы здание пикетировали, потом патриоты с плакатом! «Одолжи багор, матросик!» Ну вот как его теперь отмазывать прикажете?

– Так ведь контингент-то какой!.. – беспомощно проговорил архиерей. – Одно слово: бесы. Да и ревизорша, между нами, взяточница. А у него, как на грех, багор был в руках. По привычке зацепил, без умысла...

– Послушайте, владыко, – взмолился генерал. – Ну присоветуйте вы там, я не знаю, чтобы хоть меняли этих речников время от времени...

– Так ведь и так меняют! Меняют что ни рейс!

– Простите?.. – Помаргивая рыжеватыми ресницами, генерал непонимающе смотрел на служителя культа. – Как же меняют, если люди одни и те же?

– Люди – да. А бесы в них – каждый раз новые. Я же и говорю: контингент такой... Что у вас, что у нас... Но вот с баржей – здесь их вины, поверьте, нет. Приказали трос обрубить – они и обрубили.

– Приказали? – пораженно переспросил генерал. – Зачем?

Перед тем, как ответить, архиерей боязливо оглянулся на дверь кабинета. Дверь была плотно прикрыта.

– Великий грешник бежал из обители скорби, – тихо и страшно выговорил он.

Генерал откинулся на спинку стула. Рыжеватая бровь изумленно взмыла.

– Как?.. *Оттуда?*

Архиерей скорбно кивнул, и в этот миг грянул телефон. Генерал уставился на аппарат, словно видел подобное устройство впервые. Затем снял трубку.

– Слушаю, – отрывисто извещил он. – Сволокли с косы?.. Что?! – Лицо его внезапно осунулось. – Когда?.. Час назад?.. – На глубоких генеральских залысинах проступила испарина. – Срочно выясни, где в этот момент находились речники... Ну а какие же еще? Конечно, наши!

Он бросил трубку. Владыка смотрел на генерала, широко раскрыв глаза.

– Час назад теплоход «Богдан Собинин» таранил баржу с бушлатами, – несколько севшим голосом сообщил тот. – Оба судна затонули.

– Свят-свят-свят! – только и смог выговорить архиерей.

Глава 6. В подвале

Второй
Какие звуки! Сколько в них души!
А чьи слова, Лаура?
А. С. Пушкин, «Каменный гость»

То ли здесь, во сне, то ли там, наяву, кто-то тихо и нежно произнес его имя. Вздрыгнув, дон Жуан открыл глаза – и сразу попал в липкую душную черноту четвертого круга. Сердце прынуло испуганно... Но нет, это был не Ад – в Аду никто никогда не спит. Это был всего лишь подвал – точное подобие Стигийских топей близ раскаленных стен адского города Дит. Справа из темноты давили влажным теплом невидимые ржавые трубы. В углу, наполняя тесное подземелье удушливым паром, бил слабый родник кипятка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.